

A stylized illustration of a man's face and upper torso. The man has dark, wavy hair and is looking slightly to the right. He is wearing a black t-shirt. The background is a solid red color with a silhouette of a palm tree on the right side. The overall style is graphic and modern.

**Диана Лилит
Сончи Рейв**

ЭФФЕКТ БАЛИ

18+

Диана Лилит Сончи Рейв Эффект Бали

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/61650326>

Эффект Бали: роман / Диана Лилит, Сончи Рейв: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-132824-5

Аннотация

<p>Дружба – это прекрасно. Даже если она душит. Даже если делает больно. Даже если заставляет скрыть преступление.</p> <p>Небольшая компания по организации вечеринок в Москве, состоящая из пяти друзей, получает заказ провести весьма необычное мероприятие на Бали. Звучит сказочно, но тропические ливни смывают с острова инстаграмный лоск, а с лиц – натянутые улыбки. Кто они друг другу и что на самом деле держит их всех вместе? Глубоко спрятанные мысли, обиды и тайны всплывают наружу, обнажая уродливую правду – и руша жизни.</p> <p>Таков #ЭффектБали.</p> <p>Содержит нецензурную брань!</p>

Содержание

Глава 1. Бессовестное мясо	4
Иоланта	25
Глава 2. Дружелюбное месиво	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Диана Лилит, Сончи Рейв

Эффект Бали

Глава 1. Бессовестное мясо

– Что есть тусовка? Современная форма религиозных ритуалов? Способ отвлечься? Танцы и алкоголь? Форма коммуникации? Способ разделить эмоцию со всеми, не говоря ни слова? Что есть тусовка? Компания друзей? Иллюзия семьи? Способ снятия стресса или его накопления? Тусовка – трансформация ночи или побег от действительности? Что есть тусовка? А может ли человек быть тусовкой? Это действие или состояние? Это праздник или похороны той жизни, от которой ты бежишь? Тусовкой я хороню день в белой рубашке, суматоху метро и мысли о лайках...

У него глаза – еще чуть-чуть и Стив Бушеми. Прозрачные, выпуклые, огромные, завлекающие. С такими глазами ты либо божественно привлекателен, либо инфернально чудаковат. Но ему повезло. Еще как повезло.

Глеб Фадеев – бессовестный мальчик.

Он уродился до одури красивым, с такими глазами и заморачиваться по жизни не стоило. Но Глеб себя выточил: на щеках следы барбершопа, тело – кроссфит три раза в неделю. Густые брови: волосок к волоску. Он выглядел так, что

вызывал безудержное желание сфотографировать его и показать всем подружкам – доказать, что такие существуют.

И, казалось бы, на этом можно остановиться. Но Глеб пошел дальше. Журналистка чувствовала в нем выстроенную харизму, проверенную годами и отработанную, в речах слышала репетицию. Сколько раз он произносил этот монолог?

– Тусовка – это спрессованная жизнь. Инъекция жизненных уроков. Реальность без рекламных пауз и перерыва на обед. Интенсивная, непрерывная и масштабная. Способная закончиться, либо естественно утихнув, либо по вызову такси.

У него было особое манящее равнодушие. Реплики говорит прохладно, но эта мелькающая усмешка поддерживает в собеседнике интерес. Журналистке пришлось постоянно щипать себя за руку, чтобы не попасть под его чары.

– «Мясо» началось всего лишь как студенческий квартирник для божественной молодежи. Немного ВГИКа, немного ЩУКи, дальше уже подключились ВШЭ и МГИМО. Нас было всего человек десять, но каждый раз в небольшой сквот на Милютинском захаживало все больше и больше народа. В какой-то момент я огляделся и никого не узнал. Из студенческих посиделок мы превратились в культ...

– Я все это слышала.

– Мы решили пойти дальше. Сева во двор принес установку, Марго с работы украла фонарики... Мы строили вечеринку, словно все вдруг попали в детский домик. Просто

забава, игра в чистом виде.

– Я это знаю.

– Помню, когда нам пришел первый заказ. Компания, выпускающая виски, решила нас проспонсировать. Тихон – кажется, тогда с нами работал Тихон – проторчал всю ночь, смешивая сиропы и соки у меня на кухне. Я перепробовал столько вариантов, что не мог на следующий день встать. Так появился коктейль «Мясной».

– Я уже читала про это.

– Светофоры? Про светофоры слышали? А про первый полицейский рейд? А про андеграундного художника и афишу?

– Меня интересует последняя вечеринка.

– Крайняя, не последняя. – Он хохотнул, поднося кружку с кофе к губам.

– Что на самом деле произошло тогда? – Журналистка была непоколебима.

«Я прибую тебя, Глеб!»

Сонная атмосфера кафе, в котором устроились только люди с «макбуками» и одно жалкое интервью, разрушилась моментально. Маленькая армянка в объемном пальто и с шарфом, который можно использовать как плащ-палатку, резко ворвалась внутрь, чуть не опрокинув столик, и за локоть вздернула хохочущего Глеба на ноги.

– Ублюдок, мать твою, скотина, как же хорошо, что ты каждый свой шаг в сторис постишь. Понторез на ножках.

Идиот полнейший! – Для такого хрупкого телосложения голос девушки казался слишком грубым и громким.

– Это Марго, – сквозь улыбку представил ее Глеб журналистке, – наш организатор, но у нее, скорее, должность «диктатор тусовок».

Марго была полна гнева. Щеки у нее покраснелись не только от мороза.

– Идиот, – фыркнула она. Безошибочно взяв с вешалки пальто Глеба, она швырнула ему одежду и наконец-то обратила внимание на журналистку. – Какое издание?

Та испуганно пролетепетала:

– У нас аккаунт в «Инстаграме»...

– Подписчиков сколько?

– Десять тысяч.

– Фигня. Рассказать что-нибудь успел?

– Нет, он только...

– Отлично. До свидания.

Глеб откровенно забавлялся и даже не стал спорить с Марго. Он небрежно накинул пальто, вытащил из кармана купюру, оставил на столе и подмигнул ошарашенной журналистке.

– Как можно быть таким дебилом, – ругалась Марго, вытащив его в пасмурное холодное воскресенье февраля. Остатки новогодних украшений мертвым грузом висели на столбах, словно футуристическая паутина чудовищного паука. Все кафе вдоль Тверской пестрели новогодними предложе-

ниями.

Постпраздничная атмосфера в столице напоминала выпотрошенный труп оленя Рудольфа. Все утопало в мерзкой грязной серости, и серость эта была размазана от слякоти дорог до самого неба. Погода в этом году: неловкий первый секс зимы и весны, где оба симулировали, не получили никакого удовольствия, были в меру разочарованы и ждали, когда же это закончится.

Ни снега, ни солнца. Время года просто застряло на перепутье.

– Ты должен предупреждать меня о каждом интервью, *особенно* сейчас, – Марго говорила зловеще-агрессивно. Глеб ухмылялся и качал головой.

– Это просто паблик. Они хотели узнать, когда следующая вечеринка «Мяса».

– Они хотели узнать *опоследней* вечеринке, – акцентировала внимание Глеба Марго и косо, с сомнением на него взглянула. – Глеб, сейчас все хотят узнать о последней вечеринке, и очень важно молчать, иначе нам...

Парень отмахнулся.

– Это всего лишь какой-то аккаунт в «Инстаграме», а не «Нью-Йорк таймс».

Марго глубоко вдохнула сквозь сжатые зубы. Они шли наугад, вниз по Тверской. Марго нервно поглядывала себе под ноги, и со стороны казалось, что она собиралась с силами, чтобы сказать что-то. Но, честно говоря, рядом с Глебом она

всегда так выглядела. Уже лет шесть.

Глеб неловко запнулся, пропуская какую-то девушку вперед, и Марго наконец-то заметила.

– Ты пил?

Он сделал как всегда – с хитринкой рассмеялся, и тут же походка у него стала более развязной. Раз пойман, то можно больше не притворяться. Марго до невозможности закатывает глаза, а Глеб уже с удовольствием предвкушает ее речь в стиле суровой мамочки.

– Два часа дня, Глеб. Два чертовых часа.

– Я всего лишь для блеска глаз.

– Чьих глаз? Сотен тысяч миллионов глаз? Когда ты в последний раз был трезвым? Еще и это интервью, господи упаси, ты понимаешь, что из-за него у нас могли быть проблемы? И так нет заказов уже два месяца.

– Появятся.

– Если ты будешь так себя вести – нет.

– Еще поставь меня в угол, Маргош. А лучше выпори, это сексуальнее.

Марго стала бурно ругаться на армянском. Она была миниатюрной армянкой, а Глеб, как и полагается красавцам, – слишком высоким. Марго смешно семенила крохотными ножками, он же, широко шагая, смеялся, запрокинув голову.

Так они шагали с первого курса. На пары, с пар, на вечеринки. Утром, вечером, в разгар ночи. В вагонах метро, торговых центрах, заброшенных зданиях, аудиториях. Их друж-

ба – это нелепый променад, где никто не хотел никому уступать.

Родная и теплая, проверенная, известная наизусть, даже какая-то надоедливая дружба. Такая сильная и долгая, что все их принимали за брата и сестру. Но, к сожалению, ни разу – за парня и девушку.

– Нам нужно поговорить всем «Мясом», – вдруг заявила Марго излишне серьезно, таким тоном, словно кто-то умер или умирать собирается. Глеб только вздернул бровь и пожал плечами. – Прямо сейчас.

– Все разъехались. – Он проверил телефон. Несколько сообщений в директ. Реакции, вопросы на его загадочную сторис про интервью. Информационный шум его реальности.

Марго молча вызвала такси, дождалась машины, пока Глеб все продолжал копаться в чужих мнениях по поводу себя. Он немного покачивался, и ей оставалось только гадать, сколько он выпил на самом деле. Откровенно говоря, Марго видела Глеба пьяным чаще, чем трезвым. Бутылка пива после работы, виски в середине дня. Алкоголь превращался для него в бомбу замедленного действия – никогда нельзя было понять, в адеквате Глеб или нет.

Они сели в такси, Глеб откинулся на заднее сиденье. Шея у него была массивная, длинная, с острым кадыком. Как сказала одна из его последних «зазноб», такую шею быстро устанешь целовать, поэтому ее больше хочется свернуть.

В такие моменты, как сейчас, во время вот таких тихих

поездок в такси, он будто впадал в самого себя. Выглядел максимально отстраненным, будто на грани какого-то сна, и абсолютно заблокированным для реальности. Марго хмуро поглядывала на него через зеркало заднего вида. В последнее время разговоры между ними совершенно не клеились. Оставалось только надеяться на лучшего друга Глеба, к которому они и ехали.

Бывший хлебозавод стал креативным кластером всего несколько лет назад, но первый росток хипстеров и андеграунда проклюнулся у Севы в автомастерской.

Несколько лет назад она чуть не исчезла вместе с прежним владельцем, отцом Севы. Никто из работников не хотел здесь оставаться из-за гнетущих воспоминаний, а у семьи не было ни возможностей, ни денег, чтобы начать все заново. Простая автомастерская стала неким мавзолеем, всего лишь напоминанием о существовании родного человека.

Сделать из автомастерской персональное логово было идеей Глеба. Это он вместе с Севой сбегал с пар, расчищал мусор, вытирал горы пыли и безжалостно выбрасывал все, что напоминало о смерти. Это они научились отгонять скорбь разговорами, смехом и тяжелой работой. Перекрашивали стены несколько раз, лишь бы не опускать руки. Бесконечные перестановки, уборки – они не знали, что конкретно хотели сделать из автомастерской, поэтому просто делали что-то.

Спустя два года мастерская стала находить свою суть. Се-

ва перевозил сюда свои многочисленные хобби: мини-пивоварню, станок для резьбы по дереву, даже гончарный круг. Хобби могли устаревать, вещи – выкидываться. Глеб привез маленький забитый пивом холодильник и диван из «Икеи». Сева вернулся из путешествия по Скандинавии и привез с собой стопку журналов, кучу фотографий и новое увлечение: декорирование. Автомастерская стала перерождаться. Сева хотел воссоздать свои воспоминания о Швеции, но потом началось «Мясо».

Автомастерская стала «лабораторией» тусовки. Вместо детских фото Севы с папой, снимков с поездок на рыбалку и запечатленных мгновений дней в машинном масле появились первые студенческие фото с вечеринок, затем – полароидные снимки с тусовок, а потом уже – билеты и мерч от крупных брендов. Запчасти сменились разобранными колонками, гирляндами, сломанными светофорами. И даже ретроавтомобиль отца, который тот так и не собрал, превратился в барную стойку – визитную карточку вечеринки «Мясо». Из музея имени его отца мастерская превратилась в музей Севы и Глеба.

Сева встретил их на пороге в кардигане, натянутом на серую майку, и трениках. Длинные каштановые волосы собраны в пучок, борода растрепана. Глеба всегда поражало, как Сева преобразился благодаря образу сурового викинга. Без бороды и волос его лицо всегда казалось бледным, впалым и каким-то слишком топорным, прямо неприятным.

Они размашисто скрепили руки с характерным хлопком. Так Глеб и Сева делали с первого класса, пародируя взрослых, и не заметив, что сами стали почти взрослыми.

Сева коротко кивнул Марго, открыл им дверь в мастерскую, в теплый от обогревателя воздух. Леша Муть сидел на полу, разбирая какую-то колонку, – словно ребенок играл в кубики.

– Ой, ребзя, че-как? Че такие понурые? – придурковато протянул он.

Глеб рассмеялся, каким-то отцовским движением потрепал Лешу по волосам и рухнул на кресло, Марго с Севой остались стоять.

– Как дела, Муть?

– Да супер, Глеб-Фадей, все как обычно. Вот со звуком ковыряемся, в Питер думаю мотнуться туда-сюда, отыграть по доброте душевной пару сетов, повидаться и так далее. Леша Муть выглядел как человек, у которого по жизни была только одна проблема: у него на ноутбуке не осталось свободного места, чтобы клеить новые стикеры. Два года назад тусовка «Мясо» ездила в Питер для коллаборации с финской водкой. Они устраивали серию масштабных вечеринок и полным составом приехали покорять Северную столицу. Через пару часов после прибытия Глеб уже сцепился в баре с их основным диджеем. Они набили друг другу морды, устроили скандал, и в итоге диджей, который работал с ними первые два года, с криком и проклятиями ушел, заблокировав все

контакты и смачно послав каждого. Из-за чего они поссорились с Глебом, уже никто не помнил, а вот панику из-за того, что у них послезавтра вечеринка на две тысячи человек по заказу крупного бренда и с серьезным контрактом, а диджея нет, запомнили надолго. Первой очухалась Марго. Она взяла Севу и Глеба за руки и повела на Думскую.

Среди смрада и вечеринок они нашли его, их тусовочного ангела, менеджера по вайбу, Лешу Муть. Высоченный и худой, типаж фигуры – «макаронина». Отросшие волнистые волосы, одежда из секондов. Он выглядел так, словно сбежал с канала «Никелодеон», словно вот-вот достанет вейп. Очаровательный дурачок играл такое техно, что людей размазывало по стенке, а толпа устраивала слем.

Это была любовь с первого взгляда. Леша Муть оказался Моцартом в мире рейверов.

Вечеринки прошли даже лучше, чем планировалось, и, когда их питерский сезон закончился, ребята поняли, что Лешу нельзя отпускать. Леша и сам не хотел. Он по характеру был щенком-щенком и, в отличие от остальных, не воспринимал «Мясо» как работу. Он сразу понимал, что к чему. «Мясо» было семьей.

– Чего, когда следующая тусовка? Уже второй месяц тишина, – поинтересовался Муть. – Я такое намути-и-ил.

Марго прокашлялась, привлекая к себе внимание, присела на капот ретроавтомобиля.

– Вы же понимаете, что у нас положение бедственное? –

настаивала Марго.

Глеб закатил глаза, Сева наблюдал за ним внимательно, настороженно.

– Просто не сезон. – Глеб показательно зевнул.

– Как раз-таки сезон. В прошлом году у нас было пять заказов в месяц. Вы сами это помните. А сейчас мы сидим без дела.

Глеб хмыкнул, потянулся к мини-холодильнику за пивом. У Марго опасно раздулись ноздри.

– У нас нет денег, Глеб. Никакого дохода. Никто не соглашается с нами работать. Даже если мы попытаемся воссоздать «Мясо» самостоятельно, у нас нет средств на аренду зала.

– Мы начинали ни с чего, Маргош.

– Мы начинали как группа студентов и мелкий квартирник. Ты хочешь вернуться к квартирникам? Мы уже не студенты. У нас уже репутация. Мы не можем сделать шаг назад.

– А может, можем? М? Типа, возрождаемся, ностальгия, давайте как в первый раз.

Марго фыркнула и обиженно вскочила с места. Сева глубоко вдохнул.

– Глеб, ситуация реально серьезная.

– У вас всегда ситуация «реально серьезная». За эти четыре года во что мы только не влипали! Помните, как у нас отрубил электричество? А как приехал наряд полиции? А как нам пришлось продавать паленку? Как в день заказа нам ан-

нулировали аренду? Наша работа – тусовки. Тусовки не знают ни порядка, ни серьезности, это закольцованный в пространстве хаос, – Глеб поднял палец и описал круг. – И наш процесс соответствует нашему продукту. Я не понимаю, почему вы нервничаете, что вы сидите с такими серьезными лицами? – Он расхохотался. – Все же хорошо. Сейчас не сезон, потом ворвемся снова. Люди любят «Мясо». Мы стабильно собираем тысячу. Мы мелькаем в СМИ. Мы – целый культ. Нам нечего бояться. Бог тусовок держит нас под своим танцующим крылом.

Глеб не хочет этого замечать, правда, совсем не хочет, но он чувствует какое-то немое напряжение. Как Марго и Сева переглядываются друг с другом, как поджимают губы. Они явно ему что-то недоговаривают, что-то скрывают от него.

– Мне предложили другую работу, – выдал наконец Сева.

Глеб округлил глаза, зловеще рассмеялся.

– Ты первый, Брут?

– Глеб, нам нужно на что-то жить.

– Нам всем нужно на что-то жить. И что же за работа, Сева? Будешь оформлять витрины в ЦУМе?

– Рейвы «Матадора».

– «Матадор»? Эта безвкусная, бездушная хрень, которая дышит нам в спину уже который год?

– Заткнитесь, мальчики! – скомандовала Марго, комично топя ножкой. Леша наблюдал за ними с открытым ртом, будто за ссорой родителей. – Слушайте сюда, мальчишки,

потом будете устраивать разборки, кто здесь Брут, кто здесь брат, наиграетесь в свою бригаду. Семья семьей, мясо мясом, тусовочный бог и прочее – оставь это, Глеб, для своих телок в барах и низкосортных интервью. Ситуация такая, – она скрестила руки на груди и прокашлялась: – «Мясо» либо будет гнить, либо оживет.

– А еще мне что-то бузит про метафоры, – шепотом прокомментировал Глеб, отпивая пиво.

Марго обводит их решительным взглядом. Диктатор тусовок. В этом щупленьком тельце заключалась мощь всей армии, в ней решительности и силы было больше, чем во всех, кто имел с «Мясом» дело, – от приглашенных диджеев до компании байкеров, которых они как-то позвали на фейс-контроль.

– Я вообще собрала вас с одной целью. – Опять она переглянулась с Севой. В последнее время это происходит слишком часто. – У нас наконец-то появился заказ, но заказ... стремный.

Леша нахмурил брови, вопросительно взглянул на Глеба, ожидая его реакции.

– Опять какой-то спортивный бренд?

– Нет. Гуру.

От Глеба не скрылось, что Сева остался таким же безэмоциональным, скрюченным и ни капли не удивленным.

Марго достала из сумки телефон, села рядом с Глебом и показала ему имейл.

– Он живет на Бали. И хочет заказать у нас вечеринку. Леша сразу потянулся к ним, заглядывая в экран.

«Благо ДАРЮ!

Я Светозар Брахман, гуру, йогин, мистик, мастер тантрических практик и Отец заблудших. Наслышан о “Мясе” и хочу предоставить вам шанс выйти за рамки обыденного, расшатать свою реальность, уничтожить себя до основания, познать свою сущность и создать нечто новое.

Моя цель – дать вам возможность. Особый заказ. Я готов подарить вам все условия для его выполнения. Авиабилеты, мою частную виллу в Убуде, поддержку духовную и материальную. Все ради одной ночи. Все ради одного перерождения. В рамках моего ретрита: “Умри и воскресни”.

Суть своего предложения я готов изложить при личной встрече. Мне нужно лишь получить ваше искреннее “ДА”.

Благо ДАРЮ!»

Леша, как обычно, отразил всеобщее настроение:

– Что за дичь вообще?

Глеб выхватил телефон, прочитал еще раз, манерно подняв бровь. Рассмеялся как-то по-волчьи, утробно.

– Что по деньгам?

Глеба, кажется, ничто не смутило. А вот Сева продолжал заметно нервничать.

– Он не сказал. – Марго отложила телефон. – Только при личной встрече. Я пыталась ему дозвониться, трубку взяла его ассистентка, настойчиво спрашивала данные наших паспортов. Светозар отказывается называть все условия, но уже готов взять билеты до Бали.

– Подожди! – Глеб приподнял палец и набрал кого-то на смартфоне. – Я сейчас узнаю о нем...

– Я уже гуглила и...

– Кристина, милая, привет! – Сочетание этих слов для Марго было словно красная тряпка для быка. От Севы не скрылось, как опасно раздулись ее ноздри. Пару дней назад Марго ворвалась в мастерскую и устроила Севе полномасштабную истерику. Он запостил фотку с ней! Запостил! Не сторис, целый пост! Для этих инста-выродков это все равно что заявление в ЗАГС.

– Марго, какая тебе разница? – устало спросил Сева, покрывая лаком столик из светлого дуба. Он знал, какая разница. Откровенно говоря, все знали. Но Марго почему-то было важно сохранить эту нелепую претензию на «невлюбленность» каким угодно образом. Стоило хоть кому-то намекнуть на ее чувства к Глебу – тут же начинался страшный скандал. У Марго за спиной годы администратором и хостес в самых мажорных и мерзких местах, она терпела унижения если не ежедневно, то точно еженедельно. На работе она – ласковый дипломат, терпеливая и улыбчивая, может даже в слезы удариться, если надо. Но стоило ей уволиться и пол-

ностью переключиться на «Мясо», как запас терпения исчерпался. Началась ее искренняя вендетта. Теперь она говорила, как хотела, что хотела и в любой манере. Ругалась и скандалила. Больше никаких фальшивых улыбок из надежды на чаевые. Искусством скандала Марго владела виртуозно, у нее были лучшие учителя: посетители фешенебельных ресторанов – чиновники и бандиты. После того, что она пережила на своей работе, Марго должна была бороться со злом, но в итоге примкнула к нему.

– Маркетолог, – фыркнула она, открывая «Инстаграм» той самой Кристины. – Двести тысяч подписчиков, половина из них – «ноготочки», другая – куколды. Трэвелер, инфлюенсер, эстет, *model*, – передразнивала она, чуть ли не плюясь ядом. – И мое любимое: «Я сделаю из тебя бренд»! – Марго зловеще расхохоталась и рухнула на диван. – Это ж как жестко ее парень должен был бросить, раз она так в «Инстаграм» ударилась?

– Что, прости? – Сева совсем притих, методично и вдумчиво водя кисточкой по столику.

– Пф... Для таких как она «Инстаграм» – инструмент мести. Кого ни возьми: начинающую миллиардершу, феминистку или такого же маркетолога – прежде чем стать ими в шапках своих профилей, все они – брошенная девочка, которая мечтает только об одном – показать, как ей без тебя хорошо.

У Марго были какие-то особые отношения с «Инстагра-

мом». Для нее он прежде всего был платформой для аналитики успеха вечеринки «Мясо», способом коммуницировать с друзьями, но никогда – способом самовыражения. Иногда Марго заходила на страницы инста-блогеров только ради того, чтобы посмеяться над ними. Иногда находила бывших одноклассников и тогда уже смеялась громче. И всегда, всегда следила за Глебом. И вот он, пост. Глеб и маркетолог Кристина. Она – глянцево-красивая, совсем неживая. Безупречный платиновый блонд, каре словно только из салона. Пухлые губы, голубые глаза. Скулы. Фото всегда в три четверти, чтобы их показать. Пиджаки, каблуки. Насмотрелась «Дьявол носит Prada», – цокала языком Марго. – @rubinskaya.kris, сделала из себя бренд. Очки, стрелки – из раза в раз. Она сама была похожа на свою выцветшую, серую, минималистичную ленту, изобилующую пресетами. Макет человека, абсолютно нереальная, спроектировавшая сама себя. «Я для себя – самый важный проект». Ха! И вот двести тысяч человек видят в ее ленте черно-белую фотографию со вспышкой. Наманикюренные пальчики держатся за лацкан пиджака, шея Глеба, во всех контрастах и экспозициях, словно произведение искусства. Следы помады у кадыка. Минималистично, без лиц, но с отметкой. Этого хватило, чтобы в тот же день подарить Глебу еще десять тысяч подписчиков, разрываемый директ и пару сплетен в местных пабликах. «Мой новый проект: *love*» – читает подпись Марго. Потрясающе. Просто потрясающе. Никто не спрашивал

у Глеба в открытую, было ли между ними что-то серьезное. Никто даже не догадывался, при каких обстоятельствах и где была сделана фотка и как они познакомились. Но Рубинская Крис мелькала в разговорах все чаще и чаще, сообщения ей Глеб строчил с несвойственной ему регулярностью – и, кажется, этого было достаточно для любви.

– Ты знаешь некоего... Светозара Брахмана? – спросил Глеб у Кристины.

Марго делает глубокий вдох и отворачивается. Севу всегда одновременно и забавляла, и тревожила ее реакция на Крис. Ему почему-то было предельно понятно, что между Марго и Крис разница заключалась только в фильтрах. Они обе были абсолютно self-made, с деловой хваткой, упорством и желанием подмять под себя весь мир. Отличие имелось лишь одно: Крис была искренна в своих желаниях и не чуралась славы, Марго же предпочитала действовать за кулисами. Леша в это время прогуглил Светозара и расхохотался, показывая Севе: смотри, какой чудила.

– Это точно, – пробасил Сева. – Ага.

– Понял. Проверенный, да? – все продолжал обсуждать заказчика Глеб.

Сева заглянул в глаза Марго.

– Ты думаешь, это хорошая идея? – спросил он очень тихо. Та в ответ только больше нахмурилась, развела руками.

– Да че, классно же, – подал голос Леша. – Погнали на Бали. А?! Прикиньте, Бали! Будем жрать манго на завтрак,

обед и ужин. Волны, серф, обезьяны! Обезьяны! Кайф же! Поедем на сказочное Бали, там такие рейвы на Чангу. Будем тусить до утра, а по дороге падать в океан, чисто чтобы волны качали! Пить кокосы... Да-а-а... кокосы. Что нам на месте, в столице, сидеть? Тут погода – суицид. Я уже метро это видеть не могу. Мне песок нужен. Сниму рейтузы, наде- ну шорты. Как я скучаю по шортам! Куплю себе рубашку га- вайскую и вылезать из нее не буду. Кокосы вам руками рвать буду! Пинать кокосы, весь день пинать кокосы! И какую-ни- будь папайю. Я вообще ни разу в жизни папайю не пробовал.

– Бля, Ле-е-еша, – протянула Марго. – А то, что нас позвал чокнутый гуру, тебя не смущает?

– Да просто доброй души человек.

– «Ретрит: умри и воскресни». Может, это секта какая-то?

– Маргоша, он билеты нам оплачивает! О-пла-чи-ва-ет! У нас когда такой шанс будет еще?

– Мне все это не нравится, – тихо произнес Сева.

– Да, Сев, че нам тут торчать? Приключение же!

– А вдруг, не знаю, пустят нас там на какое-нибудь риту- альное мясо? – не унималась Марго.

– Из мяса в мясо, – рассмеялся Леша, вскочил на ноги, встал рядом с Марго и голосом, полным энтузиазма, произ- нес: – «“Мясо”. Бали edition». Вслушайся, Марго. «“Мясо”. Бали edition». Мы. Бали. «Мясо».

– Съебался, Леш. – Она оттолкнула его как раз в тот мо- мент, когда Глеб пафосно отложил телефон.

– Крис подтвердила. Он норм. У нее две подружки были на его ретрите. Какой-то бизнесмен из Уфы, открыл свой бизнес на Бали, поехал головой, стал гуру. Денег – жуй всеми частями тела. В криминальных делах не замешан. Обычный фрик. Все ее подружки благополучно вернулись домой со всеми раскрытыми чакрами.

Вдруг почему-то тишина напала на них. Молчание задумчивое, боязливое. Как молчание перед прыжком в пропасть. В каждом из них билось предчувствие разных форм, различных оттенков, но все же с единой сутью: сейчас происходит что-то важное.

У Севы сердце забилося в горле. И он отчего-то вспомнил, как последний раз в этой же мастерской видел своего отца, перед тем как тот разбился на машине. Тишина тогда стояла точь-в-точь такая же, и неясная тревога билась в маленьком Севе.

Он чувствовал себя так, будто сейчас, среди друзей, наблюдает аварию.

И Глеб произнес:

– Поехали.

Иоланта

Она ненавидела экстатик-дэнс¹ с самого первого дня, как оказалась на Бали. Действо, напоминающее утреннюю вечеринку с аниматором в турецком отеле all-inclusive, с кучей босоногих фриков, невидимым диджеем и странными, порой вульгарными движениями людей, находящихся под действием одурманивающих веществ.

В толпе она не может закрыть глаза, как делают все остальные. Не может расслабиться и «отдаться потоку», как тут принято говорить. Пока вокруг все танцуют, она просто стоит в самом центре этого тропического ада и беззвучно рыдает от удушающего одиночества среди этой огромной толпы. Никто не увидит. Никто не услышит. Хочется бежать. Она уже успела забыть лица ребят, которые притащили ее сюда, сказав, что здесь будет круто. «Трансформационное свободное движение – так они называли эту обезумевшую толпу, – будто шаманизм встретился с рейвом». Особенность этого экстатика в том, что он проводился в вечернее время. На часах уже пол-одиннадцатого. Хочется есть.

Какой-то высокий индус трется о нее в толпе, не давая

¹ Экстатик-дэнс – частая практика на Бали. Играет диджей-сет спиритуальной музыки, а гости выражают себя в диких танцах. Чем больше ты раскрепощен, тем лучше. Люди лезут на колонны, обнимают других людей, и со стороны это похоже на чистое безумие.

выйти.

– Я провожу сеансы обмена тантрой. Если придешь ко мне завтра в это же время, я раскрою твои чакры так, что ты еще день ходить не сможешь, – шепчет он, пытаясь взять ее за руки. Глаза у него красные, пустые.

Ее начинает тошнить. В такие моменты хочется думать о том, что есть еще кто-то на этой тусовке, кто страдает точно так же, как она. *Eesoulmate*². В Восточной Азии существует поверье, что есть некая невидимая красная нить, связывающая судьбы влюбленных, – «#####», «уммэй но акай ито». На щиколотках связанных вместе людей появляется эта нить, и по прошествии времени она начинает сокращаться, пока двое не встретят друг друга.

Именно об этом думала она, пробиваясь сквозь толпу и идя в сторону выхода на темную улицу, где дорогу освещал лишь один бледный фонарь. Изредка ее ослепляли фары проезжающих мимо байков, где-то лаяли голодные собаки. Сказочное Бали. Волшебный остров, где исполняются все твои мечты.

*Все не зря, все не зря.
Терпи, пока есть силы.
Не падай.*

Если идти вдоль дороги, обходя грязные закрытые варун-

² Родственная душа (англ.).

ги³, где основным блюдом в меню считается жареный рис со свиной, то можно дойти до какого-нибудь мини-маркета и купить там пару шоколадок и бутылку пива.

Но идет она уже минут пятнадцать, собаки продолжают лаять, а путь иногда преграждают появившиеся из ниоткуда петухи.

Она берет себя в руки и прекращает плакать. В конце концов, самое страшное уже позади. Она сбежала с экстастика, а значит, ей подвластно все на свете. Бали – воистину магическое место с особой энергетикой.

Хочется остановиться. В каком-то варунге горит свет, на парковке стоит пара байков. Нужно хотя бы дыхание перевести, а потом думать, что делать дальше. В кармане всего двадцать тысяч рупий. На них нужно будет прожить еще день.

Зайдя внутрь, она никого не видит. Пустые столы, кассы вообще нет как таковой. На секунду ей кажется, что она попала в чей-то дом. Это уже чревато последствиями. Уйти бы сразу, но любопытство берет верх. Вокруг все в зеркалах и растениях. Выглядит как заброшка, но все равно интересно. Неподалеку от большого зеркала три работающих холодильника. На каждой полке стоят стеклянные банки с надписью *donations*⁴. А из холодильника на нее смотрят два боль-

³ Варунг – традиционное индонезийское кафе, где можно найти самую разнообразную национальную еду. Местные не используют названия кафе.

⁴ Пожертвования (*англ.*). На Бали действительно распространены *donation cafe*. В основном это вегетарианские столовые со шведским столом, где ты сам решаешь, сколько заплатить.

ших, совершенно целеньких торта. *Chocolate Cake* и *Orange Yogurt Cake*.

На глаза снова наворачиваются слезы. Слезы счастья. Это у нее привычка такая. Как говорил ее бывший, «плачет без повода, она та еще пизда».

– *Jesus is real, life is amazing*⁵, – шепчет она вслух, доставая торты из холодильника.

Приступ компульсивного переедания застал ее внезапно. Просто стресс, просто было грустно, просто мерзкий индус испортил настроение. Главное – сохранить позитивный настрой, ведь бывало и хуже.

А она знает, каково это – когда еще хуже.

На Бали она приехала два года назад, будучи тогда довольно известной личностью в определенных кругах. Дочь владельца знаменитого футбольного клуба и эскортницы, более ста тысяч активных подписчиков в «Инстаграме», о ней писали посты лживые аккаунты со сплетнями о звездах типа *@peopletalks* и *@truestars*, а внешность ее считалась эталоном – красота, не тронутая филлерами, Орнелла Мути в лучшие годы.

Только в один момент она выбилась из-под присмотра своего деспотичного отца и сошлась с депрессивным рэпером молодой школы, подражателем *Bones* и *Ghostmane*, чьи фанатки готовы были разорвать ее в клочья. Будучи девочкой ранимой и чувствительной, избалованной и в меру ин-

⁵ «Иисус реален, жизнь прекрасна» (англ.).

фантильной, здоровые отношения она в итоге построить так и не смогла. Ну, как сказать, не смогла... Закрылась в ванной его дома и вскрыла вены после очередной бурной разборки насчет того, кто кому не уделил внимания. Вскрылась почти по-настоящему.

Его это, конечно же, поразило, каким бы мрачным и холодным он ни пытался казаться (клауд-рэп такой вот жанр, требует от тебя определенного даркового образа). Думать, что такая своенравная и красивая девушка может выдать нечто подобное, он не мог. А поэтому написал целый альбом под впечатлением от ее неудавшегося суицида. Хороший альбом, правда. Но быть с ней не захотел. Любить – любил, но ответственность брать за «такое» не хочется. Вообще.

Ее самооценку это убило. Когда ты с детства привыкла к всеобщему восхищению, когда с тобой хочет быть каждый, кто знакомится, ситуация, в которой тебя отвергает парень не самой приятной наружности и довольно скверного характера, просто не укладывается в голове. Особенно все плохо, когда ты понимаешь, что любишь его. Вот этого лоха с длинным грязным каре, как у говнарей в 2006-м, кривыми портами и носом картошкой.

Одно она выучила раз и навсегда. Никто не любит проблемных девушек. Ты либо вечно улыбаешься и «на позитиве» (за что тебя назовут «харизматичной»), либо ты «не мой вариант». И это нормально. Так что, если хочешь быть

любима, всегда скрывай любые проявления эмоций, кроме радости. Если не испытываешь радости вообще – изобрази. Это несложно. Потом как на автомате, было бы желание.

Приходить в себя после расставания было мучительно. Его она сильно любила, считай, душу свою отдала. Да и, по правде говоря, первая любовь – всегда болезненный опыт. Кажется, что другой такой не будет.

На Бали ее позвали друзья.

«Снимем виллу на всю нашу компанию, будем веселиться, отдыхать, тебе это необходимо».

Конечно, необходимо. После частной психиатрической клиники, где она провела две недели, многочисленных походов в клубы на Конюшенной, где ее не раз грабили, скандалов с родителями и прочих событий, сильно подкосивших и без того слабую психику, поездка на Бали казалась спасением. Отец дал ей довольно много денег в надежде, что она нормально отдохнет, забудет о своих страданиях и вернется человеком, восстановится в универе. Тогда он еще не догадывался, что уже никогда ее не увидит. Потерянная, закрытая, с пониженной самооценкой и с вдребезги разбитым сердцем, она не знала, куда девать себя.

Приехав на Бали, она творила все, что вздумается. Соглашалась почти на все авантюры ее безответственных друзей. Оплачивала сеансы «Аяюаски»⁶ от шаманов-мошенни-

⁶ «Аяюаски» – напиток, отвар индийских шаманов для связи с «духами». Один из балийских экспатов рассказывал, как пережил после него десять тысяч смер-

ков, выкуривала по несколько косяков в день, пока речь не стала заторможенной, а кожа не покрылась болезненным акне, от которого она никак не могла избавиться. Слезы, пьяный угар в клубах Чангу, полнейший деструктив. Она употребляла психоделики, попала в аварию на байке, четыре раза красила волосы (в синий, розовый, зеленый и фиолетовый), проспала рейс на самолет обратно домой, а потом потеряла связь с «друзьями», которые исчезли, словно их никогда и не было, слив фотки и видео с ее отрывов в соцсети и получив за это добрых тридцать тысяч рублей от какого-то желтушного издания. Впоследствии она говорила: «Теперь я знаю цену дружбы – всего тридцать косарей».

Фанатки рэпера ликовали, а подписчики в «Инстаграме» писали комменты в духе «ты уже не та, что раньше, сторчалась и похожа на дешевую шлюху». У нее моментально срабатывала защитная реакция, и она отвечала в стиле «вы просто завидуете, потому что не можете быть такими же свободными, как я».

Возможно, ее история не вызовет сочувствия, но все же что-то цепляющее во всем этом есть. Она окончательно поругалась с отцом, который, когда увидел весь этот треш, сказал, что она может помирать на острове в бедности, продолжая загонять себя на самое дно.

Но Иоланта не сгорела. Вместо того чтобы сторчатся и

тей, столько же попыток в аду и долгую погоню от межплановой (может, межклановой?) полиции.

умереть от передозировки в каком-нибудь клубе в Чангу, рядом с пьяными австралийцами, она взяла себя в руки, удалила все соцсети, залегла на самое дно (в более позитивном смысле) и излечилась от зависимостей. Есть на Бали одна интересная вещь: умереть и родиться заново. Об этом говорят все – от местных монахов до приезжих туристов.

Умереть и родиться заново.

Это и произошло с Иолантой.

Теперь мало кто из прошлой жизни ее узнает. У нее отросли волосы, в глазах появился живой блеск, а лицо снова стало свежим и молодым. Красота вернулась и даже приумножилась. Это помогло ей найти работу в сфере полудохлого балийского модельного бизнеса. Все эти льняные платьишки, соломенные шляпки, волосы цвета «калифорнийский блонд», золотые переводилки с изображением мандалы, деревянные браслеты – эдакая тонкая спиритуальная нимфа со светящейся кожей – как же приелся ей этот клишированный балийский образ. Но по-другому тут нельзя, местная индустрия диктует свои условия.

Иоланта нравилась всем. Сама себя она называла «мастер первого впечатления», люди быстро к ней привязывались, только вот сама она предпочитала держать дистанцию, называя эту игру «микродозингом». Микродозинг – это классно. Ты даешь людям маленькую, но самую лучшую частичку себя, заставляя их быстро «подсесть». А потом исчезаешь. Еда для эго.

Be like drugs, let them die for you⁷ – откуда там эта затертая «Инстаграмом» цитата? Иоланта жила под этим девизом.

На Бали она предпочитала не сближаться с людьми. Этому научил ее печальный опыт. Плохо ли такое затворничество, когда тебе всего двадцать два? Кто знает. Люди делают тебе больно. Чтобы найти кого-то хорошего, нужно потратить слишком много времени. Иоланта считала, что у нее столько нет. Да и растрачивать себя уже не хотелось. Став призраком, она берегла остатки своей хорошей энергии и не хотела делиться ею ни с кем. Вот и жила совсем одна, изредка слоняясь по острову в абсолютном одиночестве и наблюдая за всеми вокруг. Роль наблюдателя ей нравилась. Бали – это одна большая деревня. Каждый день ты видишь одни и те же лица в одних и тех же местах, и все эти люди натягивают фальшивые улыбки и бегут по пять минут душить друг друга в объятиях, обмениваясь «положительной энергией». Все эти околдойги, хиллеры, чакрораскрыватели, фруктоеды, святые и просвещенные, путешественники во времени, жители плед, тарологи, ведьмы, гадалки и прочие люди с псевдоспособностями. Иными словами, понаехавшие лжецы, пытающиеся делать деньги из воздуха, чтобы подольше посидеть в тепле. Все они имели друг друга во всех смыслах этого слова, а Иоланта была молчаливым свидетелем происходящего. Это вызывало у нее презрительную усмешку. Впрочем, таких людей, как она, тоже оказалось много. Просто, в отличие

⁷ «Будь как наркотик, дай им умереть за тебя» (англ.).

от нее, они тут особо и не задерживались.

Такова правда Бали. Абсолютное лицемерие во всех его проявлениях. Наверное, поэтому балийцы так верят в демонов и регулярно практикуют различные подношения и молитвы, играют музыку в храмах. Они хотят избавиться от всех демонов. А остров все равно притягивает их.

Хоть убейся ты во время молитвы.

На Бали был лишь один человек, которому Иоланта доверяла по-настоящему. Его она называла своим наставником, учителем, да и всеми другими эпитетами, которыми обычно пренебрегала. Он подобрал ее в самый худший момент, когда казалось, что жизнь кончена. И это даже несравнимо с тем, как она истекала кровью в доме клауд-рэпера. Все было гораздо хуже.

Он появился, как Второе пришествие Христа. Протянул ей руку, поднял с колен. Заменял отца. Дал ей новое имя. Ее перерождение заняло несколько этапов. Двухлетний путь подходил к кульминации. И в планах гуру было погрузить ее в прошлое, чтобы она смогла осознать ценность жизни.

Он решил сделать ей сюрприз в виде огромной вечеринки, которая должна была взорвать весь остров, вызвать извержения всех вулканов.

Вечеринка, на которой все умрут и воскреснут.

Глава 2. Дружелюбное месиво

– Ненавижу Шереметьево. Идиотский аэропорт. Развалина штукатурная. Сука, как же холодно. Надо было все-таки пальто с собой взять, – ругалась Марго, таща за собой чемодан.

Дядя Сеня, байкер-фейсконтрольщик, любезно подвез на своем внедорожнике всю балийскую делегацию. Ребята шустро скинули пальто и куртки ему в багажник и, пока холод не догнал, вбежали в аэропорт для скучнейшей канители из проверки багажа, регистраций и разговоров.

– Не могу поверить, что он взял эту Кристину с собой...

Глеб уже погрузился в вискарный туман. Кристина оплела руками его локоть, щебетала что-то по-маркетологовски, нежно и обволакивающе. Глеб иногда улыбался невпопад, просто для иллюзии общения, и с удовольствием окунулся в головокружение, в нетрезвые, неровные мысли.

Ему казалось, что его мозг – пепелище. Выжженная плоть земли, которую он за неимением воды поливает горючим снова и снова. В кошмарах ему снятся тусовки. Мигающий свет и падающее платье снова и снова. Ему снится, как девушка в белом платье утром похмельным, после тусовки, достает что-то из коричневого пакета, разворачивает пленку, а там его сердце. Красное, кровоточащее, мясистое, скользкое. И она жрет его словно чизбургер за пятьдесят рублей.

Он вытравливает из себя кошмар снова и снова. Он держится за Кристину. Правильную-правильную. У нее «Актуальное» в идеальном порядке, визуальная гармония в ленте, и даже в аэропорт она одевается правильно. Спортивный бежевый костюм, массивные кроссовки, чемодан DKNY. Его идеальная картинка, его оплот правильности. Она снимет все сторис, наложит все фильтры, она из его жизни сделает бренд, успешный инстаграмный аккаунт.

Глеба тошнит от мыслей, но очередь слишком долгая. Леша играет в «Нинтендо», Марго ругается на всю суть мироздания, Сева послушно кивает. Вылет ранний. Пять утра. Никто из них толком не спал, и они все двигались амебно, мечтая рухнуть в кресло на долгие двенадцать часов.

– Бали – волшебное место. Я столько о нем слышала, – продолжает Кристина. – Там желания сбываются по щелчку, там мысли совершенно другие, там люди перерождаются.

Глеб саркастически фыркает. Он не верит в магию, в волшебные места и в инста-посты. Глеб вообще не верит в спасение, ни в какую из форм. Глеб верит в тусовки. Глеб верит в алкоголь. Все. На этом список заканчивается. Может, еще Сева и уж, честно говоря, Марго. Он хотел бы верить Кристине, но знает правду слишком хорошо. Причина их отношений – они хорошо получают на фотографиях.

Ему нестерпимо хочется спать, но регистрация тянется мучительно долго. Он отходит в туалет, смотрит на свое лицо. Зеленоватое. То ли освещение в аэропорту, то ли инток-

сикация. Смотрит, смотрит, пока лицо не становится пятном, и откуда-то изнутри выходит паника. Свет мигает теперь устрашающе, в оттенке плитки видится что-то смертельное.

– Ты как там? – Сева бьет его по плечам с двух сторон и готовится, если нужно, подхватить.

Глеб улыбается почти нежно. В Севе есть что-то родное, медвежье. Он всегда Глеба чувствовал как-то особенно, все его настроения.

– Нормально.

– Вообще не скажешь. Выпить перед самолетом – плохая идея. – Он все-таки отпускает руки и становится рядом, глядя на него через зеркало. Такой серьезный. Будто взрослый. Но как бы он ни старался, как бы ни хмурил брови и какую бы бороду ни отрастил, Глеб будет видеть в нем ушастого первоклассника, к которому его посадили в первый же день.

– Ну пью и пью. Разве от этого плохо кому?

– Может, нам? – Сева старается говорить отстраненно. У него эта манера выхолощенная, будто русский киллер из американских фильмов. С детства ее репетировал. Да только за ней ничего и нет.

Глебу мерещится, что вокруг него постоянно какой-то шепот. Что на него смотрят иначе, с какой-то осторожностью, скрывают что-то. Иногда он замечает, что Марго и Сева смотрят на него с идентичным испугом.

– Представляешь, мы летим на Бали?! – У Севы невероят-

но дурно получается имитировать радость. – Отдохнем там от всего, пляж, фрукты и детокс.

– У меня был другой план.

– Лучше сейчас здоровье подправить.

Предатель. Предатель. Предатель. Чудовище.

– Да все со мной нормально, Сев, отстань, – Глеб резко выбешивается и становится какой-то агрессивной версией себя. Отталкивает Севу, вырывается, гневно топает ногами, возвращается к очереди паспортного контроля. Кристина аж от телефона отвлекается – и улыбается ему.

Все раздражает. Все мутное. Всюду головная боль. Еще Марго, опять играет в маму, проверяет билеты, паспорта и чуть ли не за уши готова оттащить Лешу, когда он снова во что-то влипает.

Все-таки Глеб их любит. Какой-то странной семейной безусловной любовью. Ну, или он слишком пьян.

Паспортный контроль позади, маленькая Марго всех ведет к нужному гейту.

– Только не чертов автобус. Боже, только не автобус, хоть бы рукав. Как я ненавижу эти автобусы. Это же самый тупорылый способ передвижения в аэропорту. Если бы меня сбросили с самолета в бассейн с битым стеклом, это было бы куда эффективнее, чем этот идиотский автобус. Какому Богу помолиться, чтобы эти автобусы отменили?

– Наверное, Богу автобусов, – предположил Леша. Он обожал, когда Марго выкручивала свое красноречие на мак-

симум, и с удовольствием подыгрывал.

– Боже, эта Марго такая *toxic*⁸, – шепчет ему Кристина на ухо.

– Да. За это она нам и нравится. Она по знаку зодиака – грымза.

– Глебушек, что ты там сказал?

– Ничего.

– Билеты не потерял?

– Не, мам, не потерял. В зубах держу, не отпускаю.

Пока они стояли на посадку, Леша, как обычно, завязал разговор с какими-то девчонками в очереди. Они заведомо были с пучками на голове, в хлопковых сарафанах под дути-ми куртками и с огромными рюкзаками.

– А вы чего? На випассану⁹? Ого. Это технорейв какой-то? А мы что? Да-а-а. – Леша отмахнулся. – Мы по работе.

– А что за работа?

– Организация праздников «Великий Гэтсби».

Кристина, услышав это, прыснула от смеха. Марго только закатила глаза. Эту шутку они слышат уже полгода.

– Видели «Проект Икс»? Это мы делали.

Глеб держал пакет из *Duty Free* словно святой крест. Головная боль мучительно нарастала острыми шумными ударами на фоне головокружения.

⁸ Токсичная (*англ.*).

⁹ Випассана – вид медитационной практики длиной в 10 дней. Нельзя разговаривать, читать, писать, только медитировать и есть одно яблоко в день.

– У меня все подруги были на Бали. Проходили ретрит у Светозара. Бали – волшебное место. Там мгновенная карма, там желания сбываются по щелчку... Спасибо, что взял с собой. Я так давно об этом мечтала.

Глеб натянуто улыбнулся, сжал ее руку в одобряющем жесте. Он до сих пор не мог понять, почему настоял на том, чтобы Кристина поехала с ними. Предлог, что маркетолог, знающий все о Бали по многочисленным инста-постам, им необходим, был даже не слабым, а просто немощным. Все молча с ним согласились, Марго едва сдержалась, чтобы не возразить. По факту они ничего не теряли. Билеты, жилье – все оплачено. Светозару плевать, сколько человек поедет.

Так, и почему же Кристина с ним? Наверное, потому что только от нее он не ощущал эту душную настороженность, сквозящую паранойю его друзей. Потому что хотел ее порадовать и в ее радости найти отклик для собственной. Но не получалось. Совершенно не получалось. Он ничего не мог почувствовать.

Они расселись по местам, заняв два ряда. Через одного люди сидели в марлевых масках, опасно оглядывались по сторонам, выискивая взглядом кашляющего человека или просто азиата.

Леша с удовольствием закашлял. Марго шепетильно протирала руки антисептиком. Глеб открыл пакет из *Duty Free*.

Чума только начинала медленно распространяться по миру. Паникой, истерией и мемами.

– Добро пожаловать на рейс «Москва, Шереметьево – Денпасар, Бали». Перелет будет длиться двенадцать часов.

* * *

Вымотанные, полудохлые, измученные паспортным контролем, истощенные скукой, они вышли в холл. Бали встретил их слепым ливнем, толпой и человеком с табличкой-*Myaso*.

Разумеется, первым отреагировал Леша, замахав низкому темному человечку рукой. У балийца сразу расцвела приветливая улыбка на лице, он обернулся, подал кому-то знак, и... началось месиво.

На них ринулась толпа в белых одеяниях. Дети, женщины, мужчины. Темная кожа, скрюченные лица, вонь благовоний, салют из лепестков, шум из кастрюль. Улыбки, улыбки, улыбки. Агрессивное благостное месиво из людей ринулось к ним в едином потоке безумия. Кристина тут же испуганно спряталась за спиной Глеба, вцепившись ему в плечи. Марго инстинктивно схватилась за телефон, готовясь звонить еще непонятно кому.

– My friend! My friend! Come to me! Let's go!¹⁰ – кричит им человек с табличкой.

– Что за хрень вообще? – Марго это больше спрашивает

¹⁰ «Друг мой! Друг мой! Иди сюда! Пойдем!» (англ.).

у самой себя, прежде чем начать что-то выяснять на английском. Балиец едва ее понимал, продолжая улыбаться и куда-то зазывать.

– Свихнуться просто. – Сева перехватывает свои вещи и шарахается от детишек, которые продолжают виться вокруг них, играя на своих кастрюлях. На его худи уже образовались темные круги пота.

– Все нормально! – перекрикивает всех Марго. – Это типа приветствие! Машина там!

– Веселая поездка будет, – саркастически комментирует Глеб.

Они успевают промокнуть под ливнем, пропотеть, запихнуть вещи и загрузиться в автомобиль.

– Капец, зачем устраивать это шапито? – ругается Марго. – Если бы я знала, что так будет...

Кристина, что удивительно, молчит и смотрит строго перед собой.

– Симку надо было в аэропорту купить. Все посты советовали в аэропорту это сделать. И деньги поменять, – говорит она словно в тумане.

– Да, сказочное Бали, конечно, – хохочет Леша. – Прикольнo же, да?

– Да офигеть.

Ливень нещадно бьет по стеклам автомобиля, укачивая и убаюкивая. Марго сидит впереди, водитель атакует их дурацкими вопросами, пока пытается выехать из аэропорта.

Глеба что-то душит. Может, климат, может, долгий перелет. Он чувствует, словно закупоривается в самом себе, будто он – герметичное пространство, и мысли бьются друг о друга внутри тела, неясные и скомканные.

– Ты в порядке, Глеб? – участливо спрашивает Сева. Он ненавидит этот вопрос.

– Да, в порядке.

Кристина, кажется, еще в шоке. Она пугливо жметесь, смотрит только вперед и постоянно включает и выключает телефон, надеясь, что сеть появится каким-то чудесным образом.

Бали оказался темным и мутным. Смазанным пятном вывесок, обилием зелени, редким желтым теплом огней еще незакрытых заведений. Все всматривались с жадностью, пытались понять город заранее, но разглядеть ничего не получалось.

Они приехали. Не верится. Они уже здесь. Сказочное Бали. Вот оно.

Периодически виднелись недостроенные жуткие статуи, вокруг них – группы людей, которые продолжали работать даже в дождь. Невообразимые, уродливые чудовища. Еще не законченные, с торчащим каркасом и криво разлитой краской.

– Мы приехали за два дня до местного Нового года, – объяснила Кристина. – Он называется Ньепи. Они строят чудовищ, чтобы отпугнуть демонов, а потом сжигают их.

– Кру-у-уто.

– Демонов? – заинтересованно спросил Глеб. – И что у них за демоны?

– На Бали своя религия, – Кристина мучительно вспоминала все инста-посты. – Шиваизм, кажется? Микс восточных религий. Особое направление в индуизме. Они поклоняются Шиве, богу разрушения и созидания. Или нет... Или просто всем явлениям природы. Тут много праздников. Балийцы очень одухотворенные. Говорят, что самый красивый ритуал у них – это кремация. Хотела бы я туда попасть, но как-то жутко...

Автомобиль проехал огромную статую, стоящую на перекрестке. Глеб увидел накачанные икры с него ростом, вспухшие вены, узловатые мышцы. Это зрелище казалось почти порнографичным. У чудовища торчали клыки, лезли из орбит глаза – два крупных шара, но его тело – анатомически реалистичное до жути. Этот странный контраст вызывал какой-то внутренний ужас. Еще больше пугало то, что оно стояло прямо посреди дороги. Такое нелюбезное, нетипичное, словно в России – статуя Ленина.

Обычно по прилете все испытывают ажиотаж. Но все хранили какую-то скорбную тишину, только водитель пытался разговорить остальных. Даже гиперактивный Леша заснул с открытым ртом, запрокинув голову и капая слюной на свою идиотскую гавайскую рубашку.

Глеб видел удрушающую темноту за потоками ливня.

Мрачные тени статуй, и у большинства из них – выпуклые огромные глаза. Спустя полтора часа дорога стала узкой, ухабистой и неудобной. Машину качало из стороны в сторону, водитель вцепился в руль, а Марго ругалась так, что хоть уши затыкай.

– Ви финис, – сказал водитель, улыбаясь. – Хэв э найс дэй. Фэнк ю¹¹.

Фары освещали тонкую тропу, утопающую в лианах, настоящие джунгли. Растительность сплелась плотным коридором, давящим и пугающим. Они настороженно вышли из автомобиля и взяли свои вещи, не зная, что делать. Водитель уехал. Свет потерялся. И впереди была непроглядная, утробная тьма.

После кондиционера в салоне тут же обрушилось ощущение жары и влажности. Над губой проступил пот, майка прилипла к телу за секунду.

– Зато смотрите, какие звезды, – ахнула Кристина. Но все продолжали смотреть на эту узкую дорожку.

– Нам точно сюда? – Сева поправил огромный походный рюкзак. Он оглянулся, надеясь увидеть хоть что-нибудь: супермаркет, заправку, кафе – но видел только каменный забор да где-то вдалеке тусклый фонарь.

– Водитель так сказал, – ответила Марго, включая фонарик и резво семена вперед. – Чем раньше придем, тем раньше я приму душ. Пусть это вас мотивирует.

¹¹ «Мы приехали. Хорошего дня. Спасибо» (англ.).

Кристинин чемодан на колесиках дребезжал и истошно скрипел. Вполне возможно, что до конца пути ее маленький очаровательный чемоданчик, которому она посвятила однажды целый пост, просто не доживет.

– Сука! Меня что-то кусает! – Леша стал агрессивно тереть ноги. Глеб и сам чувствовал зудящую острую боль, но боялся отвести взгляд от дороги. Всмотривался в нее гипнотически: на тень от лиан, на маленькую фигурку Марго, бойко идущую вперед.

Внутри что-то зловеще копошилось.

Джунгли вдруг прервались ровной поляной. Несколько навесов, неровное теплое освещение, а вдалеке – две гигантские пирамиды. Дорога разделялась. Одна шла опять вглубь, в заросли, другая вела к навесу, где в неровном свете прожекторов разместился десяток этих маленьких темнокожих индонезийцев в белых одеждах. Среди них, если приглядеться, можно было разглядеть высокую статную фигуру, а за ней – такую же, только... чудовищнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.